

УДК 930.085

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ – ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

И.В. Кирдяшкин

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

E-mail: kirdjkin@mail.ru

Рассматриваются культурно-политические условия и цели участия молодежи в общественно-политической жизни страны; особенно выделяется влияние на молодежную среду российской власти как важного фактора «конструирования» ее адаптационных и культурных стратегий, генерирующих не только направления ее социально-политической активности, но и ее «размерности» в поле социальных взаимодействий.

Трансформации конца XX в. – особый период в развитии России. Это период ее исторического «обнажения», перерождения и становления как активного участника процесса глобализации. Эпоха только формирует свои «язык», методы и формы сознания. Ее изучение требует особых междисциплинарных подходов, методов и, главное, парадигм. Представшая перед нами современность оказывается все более «многослойной» и неоднозначной. События, в ней происходящие, связаны с этапами становления новой российской социально-политической действительности. Ее эволюция происходит в тесном контакте с культурными кодами, посредством которых человек осознает себя в социальном мире, с кем и чем идентифицирует. Сопровождая человека с самого детства, категории культурной самоидентификации тем или иным образом структурируют его социально-политическое поведение.

В ряду факторов его определяющих немаловажное значение имеют инструменты политического воздействия, в частности главный из них – власть, проявляющая себя в общественных, государственных институтах и ее представителях. Факт усиления воздействия власти на социально-экономические и культурные процессы страны в лице ее институтов или персонифицированных носителей не вызывает особых сомнений у исследователей. Более того, по мнению ряда исследователей, спецификой русской политической культуры на протяжении большей части российской истории как раз и являлось господство «самодержавной политической культуры», ключевой характеристикой которой являлась властелинственность [1. С. 16]. Развитию подобной модели исторического развития сопутствовало формирование культурных и социально – экономических «механизмов» для ее существования и развития в ходе исторического процесса. Одними из них в Новое время были молодежные объединения и движения общественно – политической направленности, которые участвовали в формировании «поля легитимности» для обновления системы власти и привнесения в общество новых социальных стратегий. Наше внимание к ним обусловлено заметным увеличением молодежной компонентой в современной российской политике и культуре. Цель публикации – поиск продуктивных подходов к ее изучению. Для этого необхо-

дима реконструкция этапов становления молодежной социальной активности и ее экзистенциальных оснований.

Начиная с П. Бурдьё и его школы, проявивших большой интерес, прежде всего, к перформативному значению высказываний (сказать, в некотором смысле, значит сделать), различные обозначения социальных групп представляют собой результат борьбы, посредством которой действующие лица пытались закрепить то или иное членение социального организма. Так и определения и социальные категории происходят из часто незримой борьбы, посредством которой действующие лица пытаются добиться победы имеющихся у них представлений о социальном: определении и разграничении социальных групп, установлении иерархии влияния и прав и т. д. [2. С. 144–145]. Определение молодежи относится к числу таких понятий. Согласно ряду определений, молодежь – это временной промежуток, стадия – переход, подготовка к исполнению ролей взрослых, введение в культуру [3. С. 87]. Задача молодежи – освоение ролей необходимых для взрослой жизни [4. С. 20]. Молодежь – поколение людей, проходящих стадию усваивания образовательных, профессиональных, культурных и других социальных функций [3. С. 32]. Особенно выделяется то, что социальное положение молодежи – это переходное, неустойчивое состояние. В этот период человек – лишь потенция, пригодная как к созиданию, так и к разрушению, а естественный критицизм и аутсайдерство, присущие молодежи, могут быть «повернуты» в любую сторону. Молодежь может поддерживать любые социальные движения, как консервативной, так и прогрессивной направленности, как политические, так и религиозные [5. С. 443–444]. Но было время, когда общество не «замечало» молодежь, как социальную группу с отличными от взрослых интересами, которые «появились» только в результате индустриальных «революций».

Так в традиционных обществах молодежь практически не выделялась как отдельная социальная группа со своими интересами и потребностями. Молодой человек «становился» взрослым сразу после прохождения ритуала инициации. По существу ритуал инициации, как и большинство ритуалов, представляет собой управляемый процесс тран-

сформации, «обряд перехода» из одного мира в другой и состоит из трех фаз – предлиминальной (отделение), лиминальной (промежуток), и постлиминальной (включение) [6. С. 184]. С нейрологической точки зрения посвящение представляет собой отключение старых программ и перепрограммирование мозга. На первом этапе человека изолируют, отделяют от привычной обстановки, т. е. естественной среды, действовавших до настоящего момента программ (человек становится послушником, неофитом, стажером, новобранцем и т. п.). Человека через мощный стресс – голод, акты насилия, унижения, лишения прежнего социального статуса и т. д., «отделяют» от старых программ поведения и восприятия. На второй стадии происходит отключение или стирание предыдущей программы поведения. Человек в это время находится как бы в прострации, в замешательстве и хаосе. На заключительной стадии, «неофит» программируется согласно его новому статусу (торжественное посвящение в «тайну», присвоение нового имени, идеологическая обработка или другие виды внушения) [7. С. 183–185]. В психологическом смысле инициация, по выражению М. Элиаде, являет собой «внеисторическое архетипическое поведение психики» [8. С. 204].

В христианской культурной традиции проблема молодежи как таковая не стояла. Эта культура основывается на уважении к старчеству, преклонении перед авторитетами, поэтому специфических молодежных проблем в ней не существует. Причиной внутреннего конфликта (между должным и сущим) в молодежной среде, породившим (особенно в XX в.) целую культуру политического протеста, необходимо искать: в воздействии процесса индустриализации; развитии бесконечно меняющейся системы передачи социального опыта; в неудержимо меняющихся моделях – конструкциях знаний об окружающем мире, которые не «усваивались» большинством и порождали культурные реакции, подчас разрушительного характера.

Новое время, время секуляризации общественного сознания, время активного привнесения в Россию «продуктов» развития западноевропейской цивилизации, начинает формироваться понимание молодежи как социальной группы со своими потребностями и интересами. Неслучайно молодежные протесты в России достаточно часто исходили от учащейся, студенческой молодежной среды. Благодаря появлению понятия прогресс и разделение социальных практик на новые и старые, новизна начинает ассоциироваться с молодым возрастом (не обязательно человека – политического режима, новых политических и экономических учений и т. д.) и автоматически зачисляется в «лучшее» – т. е. прогрессивное. Возникает и новое определение возрастной интеграции молодых людей – социализация. Способом выполнения своей роли по созданию нового, как транслировала его философия Просвещения, стало отвержение, изменение традиции, любого устоявшегося мнения. Социали-

зация также отличалась от инициации тем, что имела более протяженный по времени характер (благодаря появлению времени на получение образования появилось свободное время для досуга); социализация не затрагивает психическую сторону процесса взросления. Она дает представление о социуме как о механизме, узнать устройство которого и изменить по своему усмотрению вполне допустимо и даже необходимо. Важным свойством социализации молодежи, как механизма подготовки к интеграции в жизнедеятельность индустриального общества, являлась ее детерминация мнением сверстников, как представителей поколенческой когорты, в рядах которой молодежь «осваивала» инновационные векторы развития общества. Сам процесс социализации, вплоть до настоящего времени, был, в основном, авторитарным, и, главным образом, основывающимся на идеологии, в немалой степени направленной на утрату доверия к личностным предпочтениям. И этот прием, по мнению Д. Крамера и Д. Олстед, остается самым простым и эффективным средством, дающим возможность контролировать поведение людей [9. С. 22], без чего индустриальное развитие, опирающееся на «стандартизацию» социума, было бы просто невозможно. Но оно нуждалось и в смене стандартов. Протест был ее двигателем. В культурно-политическом плане, начиная с Нового времени, молодежь, как наиболее «бессознательная» часть общества, и реализует этот протест. Привычки коллективного взросления со временем обрели статус молодежных движений.

Основной мотив молодежных движений в Новое время состоит в представлении (в том числе, «поставляемое» развивающейся системой образования) способности участвовать в изменении окружающего мира, главным инструментом которого стали: образование, молодежные субкультуры, а, впоследствии, киберпространство (компьютер, Интернет, сотовая связь). Но в периоды социальной нестабильности, когда социально-культурные основы общества могли быть разрушены или приспособлены к новой ситуации, институты социализации бессильны стабилизировать ситуацию. В эти периоды культурные разломы вытесняют на поверхность общественного сознания архаичные, реликтовые культурные образы и инициационные практики, помогающие обществу в новом становлении. Эти бессознательные образы, понимаемые нами как все то, что находится за границей «программы» физического выживания в социуме, формируют в кризисных ситуациях, поток мифологически выстроенного исторического прошлого способного удержать общество в рамках национальной идентичности и истории. Но здесь, у каждого культурного сообщества есть своя реальность, которая играет важную роль в определении взаимодействия с бессознательным. Не только состояние, но и опыт играют решающую роль в определении характера реальности, в которой это сознание пребывает в моменты кризиса.

Исторический консенсус между коллективным бессознательным и сознательной нормой для физического выживания в России осуществляла власть посредством «прививания» социальных практик, продиктованных ее пониманием социально-экономического будущего страны или новыми «программами выживания». В период начала «ослабления традиции» языческий культ предков (см. «Домострой», «Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов») [10. С. 131–132, 180–183] дополняется культом государства – «Большой Семьи».

В секуляризирующемся общественном сознании (на фоне десакрализации института семьи, русской власти в целом) традиционная роль молодежи (продолжатели традиции, которая неизменна) порождает и проявления Эдиповых комплексов перед «родителями». Они, в свою очередь, провоцировали появление разрушительных тенденций по отношению к «другим членам семьи» или отказ от нее, что характерно для России 2-й половины XIX – начала XX вв. В коллективном бессознательном комплексы, обретающие вид архетипов, обозначают ту часть психического содержания сознания человека, которая еще не прошла какой-либо сознательной обработки [11. С. 98–99]. Деление молодежью реальности на свою и не свою, хорошую и плохую, нужную и не нужную, приводило к тому, что попытки ее «замены» порождали потерю моральных «точек опоры» и бунт против власти.

Воспроизводящееся «черно – белое» восприятие – суть две стороны одной и той же социокультурной нормы общежития, которая генерирует энергетику общества и направляет ее в русло, поддерживающее необходимость всеохватного характера власти. В социуме выстраивается целая система «механизмов», канализирующих генерирование новых потенциальных возможностей самосохранения для русской власти (кажущаяся неадекватность, в том числе), не «привязывая» ее к учреждениям и персонам. Так, в начале XX в. власть (как категория социальной организации) своими действиями, по сути, освобождается от «ненужного» ей интеллектуального «наследия» и предстает в более жизнеспособном «обличье», доставшемся ей от русского средневековья, «породившего» мессианский архетип, подчиняющий социум идее изменения настоящего ради будущего.

Проявлению молодежной политической активности, а также трансформации институтов власти способствовала сама эпоха. Начиная с XIX в., достигнув определенной точки в рациональном понимании мира, человек приходит к необходимости синтеза, иначе говоря, воссозданию цельности и образности, содержащей в себе в «свернутом» виде рациональный опыт. С этого времени начинается воссоздание мифологического мировосприятия. Оно имело свои особенности, которые исследователи характеризуют следующим образом. «В каче-

стве всеобщей формулы мы можем сказать, что человек, «живущий» в мифе, выходит из профанного хронологического времени и входит во время с другими свойствами, а именно «священное время», являющееся одновременно изначальным и неопределенно часто повторяющимся» (М. Элиаде) [12. С. 66]. «В мифическом времени не существует определенного «сейчас» как настоящего, и оно не течет из прошлого в будущее в том смысле, что прошедшие события уже существуют, а будущие еще не существуют... Прошлое может постоянно повторяться и возникать в настоящем. Как нечто вечное, оно является ... также и будущим» (К. Хюбнер) [17. С. 66]. Мифологическое мировосприятие проявилось в возрождении культа героев, знакомым для которого явилось творчество Ф. Ницше, провозгласившего появление сверхчеловека и конец эры рационализма и рациональной (договорной) государственности. Верховными постулатами жизнедеятельности государств становятся структурирующие мифологическое сознание народа, конструирующие картину мира государственные идеологии [13. С. 12]. Развивающийся индустриальный мир начинает воспроизводить формальные черты традиционного общества. Наступает ренессанс сознания «эпохи героев», деятельность которых (к примеру, древнегреческих, как у Платона в «Меноне») разворачивается после появления людей, но в период «начал», когда все структуры еще только формировались и нормы еще не были окончательно выработаны. Их бытие есть выражение незаконченного и противоречивого характера времени «истоков» (формирования нового общества). В этот изначальный период любые ненормальности и насилие всякого рода (т. е. все, что потом будет объявлен зверством, грехом, преступлением) прямо или косвенно ускоряет дело творения. Молодежь это чувствовала как никто другой.

Поэтому и была более других социальных страт подвержена «новым» веяниям времени. Героическое поведение – условие успешного освоения мира, так возрастные стратегии совпали с политическими. Участие молодежи в социально – политических пертурбациях дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв. было вызвано поведением русской власти, вернее, ее временной нерешительностью, которую затем «преодолела» власть большевиков. Одной из главных особенностей политического господства власти в России XIX – начала XX вв. была ее самодостаточность. Исследователями она трактуется, как попытка создать собственный контекст современности, основанный только на собственном (возникшем внутри властных институтов) представлении об общем благе [14. С. 267]. Фактически не существовало (или не признавалось власть имущими) разделение между двумя элементами феномена власти: носителями власти и процессом власти. Как следствие – для правящего слоя России не существовало невыполнимых и невозможных политических решений

(только в признании наличия таких решений состоит признание самостоятельного значения власти как процесса) [14. С. 269–271].

«Политические привычки» власти в условиях процессов урбанизации стали для социального восприятия более доступны. Особенно для восприимчивой ко всему, что мешает продолжить период «безответственного взросления» молодежи. Появление в столичных и провинциальных городах пореформенной России бесконтрольных масс молодежи, которые приезжали из деревень, небольших населенных пунктов в поисках работы и занятий, а также большого числа студенческой молодежи, сделало крупные русские города потенциальными центрами социально-политической активности молодежи. Пореформенная Россия представляла собой пестрый котел жизненных укладов, поведенческих установок и неустойчивых взглядов. Попадая в городскую среду, молодые люди теряли свои традиционные навыки поведения, с трудом овладевая новыми. Свое «место» в урбанизированном обществе находили немногие. Не имея устойчивых социальных взглядов, идейный «багаж», даже у молодежи из состоятельных семей, начинают составлять народнические, затем социал-демократические идеи. Молодежи импонировали героические цели революционеров, будущее без контроля государства и рождающаяся «уже на их глазах» героическая «летопись» их деятельности. Отсутствие легальных инструментов политической деятельности в дореволюционной России актуализировало в обществе радикальные методы молодежной политической активности, которые становятся инструментами молодежной политики.

Власть старалась не допустить к реализации стремление молодых людей к самоорганизации, в том числе и политической. Этим пользовались противники режима. Естественным явлением времени было образование пропартийных молодежных организаций. При этом одна из леворадикальных партийных группировок — большевики в полной мере сумела оценить необходимость существования дочерних молодежных союзов, которые, *во-первых*, расширяли сферу ее влияния в обществе и, *во-вторых*, готовили партийную смену, обеспечивая подпитку партии новыми силами в будущем. Другие партии осознали эту аксиому политики с опозданием на 20 лет [14. С. 42]. В их числе и власть в дореволюционной России, которая «пришла в себя» уже с опозданием. И ее «оружием» воспользовались политические силы, более соответствующие ее «характеру».

Запоздалой попыткой было движение русских скаутов. Политические цели оно не преследовало. По форме это была новая школа воспитания. Это было самым массовым движением русской молодежи в дореволюционный период и пользовалось особым покровительством русской власти [15. С. 7]. Обычно в отряд принимались мальчики и юноши от 12 до 18 лет, из детей более раннего воз-

раста разрешалась организация особых команд «медвежат» и «волчат» [16. С. 15–16]. Главным содержанием скаутизма являлась подготовка подрастающего поколения к служению Отечеству (не военному, а в целом), привитие учащимся рыцарского духа. Девиз скаутов «Будь готов!» означал верность Богу и Государю, готовность во всякое время помогать ближним, соблюдать законы разведчиков, преданность «... Государю, своей родине, своим офицерам» [16. С. 11–12, 28].

Военно-мобилизационные установки власти в отношении молодежи — основной проект встраивания молодежи в социально-политический процесс в дореволюционной России, который ей предлагала царская власть. Политически активную, в основном студенческую молодежь, это не устраивало. «Использование» в дореволюционной России молодежи в войнах является рецидивом, сохранившейся культурной практики древних ритуалов («жертвоприношения» лучшего, что есть), служивших компенсацией за возможность брать и использовать дары природы в своей жизнедеятельности (в традиционном обществе), использовать и изменять окружающий мир в «век» промышленного развития. Особенно в периоды модернизаций русская власть, ослабляя свой контроль над социумом и теряя авторитет, с целью обретения привычной устойчивости вынуждена постоянно «запускать механизмы» инициации для молодежи, одним из преимуществ которых является короткий срок «обучения-посвящения». Этому служили войны, «институты» всеобщей воинской повинности. Образованные слои русской молодежи дореволюционной России, а именно они в основном «занимались политикой», ментально были уже вне культурных установок общества и власти. Первая мировая война этим мировоззренческим пертурбациям молодежи только способствовала.

С периода большевистской революции молодежные организации — активный инструмент власти. Большевистская власть предложила молодежи не только «воевать за нее», но и стать ее частью. Молодежное движение в постреволюционной России начинает контролироваться властью, которая эффективно включила юношескую «мятежность» в процесс построения нового общества. Под влиянием Российской коммунистической партии большевиков деятельность молодежных политических объединений некоммунистической направленности была свернута, в чем основную роль сыграл Коммунистический союз молодежи [17. С. 82–83]. Комсомол становится «боевым» отрядом партии, игравшим роль мобилизатора молодежи в направлении ее целей и задач.

Постсоветская действительность — сравнительно новый этап в формировании молодежных движений, в котором вместе с традиционными условиями их формирования появляются и радикально новые. В них оказалась и власть. Сформировавшись в ходе своей эволюции как дистанционная (от русского об-

шества), русская власть нуждалась во внесистемных, внесоциальных организациях (опричнина, петровская гвардия, различные чрезвычайные органы), которые являлись не только и не просто «хирургическим» инструментом, посредством которого власть производила «операции» над обществом. Они были также носителями мировоззренческих установок, альтернативных по отношению к традиционным, в которых были заметны образцы новой идеологии русской власти [1. С. 25]. Такими внесистемными организациями с конца XX в. в России становятся и молодежные объединения. Этому способствовал ряд цивилизационно-технологических условий, в которых оказалось российское общество.

Принципиально важными факторами в жизнедеятельности современных молодежных объединений стали произошедшие изменения в социально-экономической, политической структуре общества, а также новейшие средства технических коммуникации, актуализировавшие стремление молодежи к культурному самовыражению. Молодежное пространство перестает быть только пространством «перехода». Следуя сознанию «творца» в единстве всех времен, одинаково доступных для компьютерной памяти, причем в масштабах, мно-

гократно превышающих возможности одного человека, молодежная субкультура начинает приобретать универсалистский, порой обязательный для всех, характер. Создание всемирной компьютерной сети и включение в нее жизненно важных институтов общества и государства позволило мифологизированному сознанию стать всеобщим универсальным средством массовой коммуникации, преодолев национальные, политические и географические границы [12. С. 63–67], в чем активное участие приняла молодежь, увидев в нем средство ненормативного взросления и культурной свободы. Молодежь, как наиболее восприимчивая к техническим и культурным инновациям группа населения, сделала их средством своей автономизации от общественных установок, касающихся ее взросления и самореализации. Краеугольным становится вопрос: кто источник этих инноваций? К концу XX в. на его роль, смешая частный бизнес и западный масскульт (сменяющийся на российский) и формируя условия для создания российских технологических «площадок» для реализации сверхновых технологий в области коммуникаций («реализующих» для молодежи досуг и самостоятельность), вновь начинает претендовать власть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. – 2006. – № 1. – С. 36–58.
2. Про А. Двенадцать уроков истории. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. – 336 с.
3. Суртаев В.Я. Молодежь и культура. – СПб.: Алетейя, 1999. – 376 с.
4. Левикова С. И. Молодежная субкультура. – М.: Фаир-Пресс, 2004. – 447 с.
5. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Социум, 1994. – 170 с.
6. Ван Геннеп А. Обряды перехода. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – 200 с.
7. Берсенева П. Мозг – ловушка для души? – СПб.: Северо-Запад, 2005. – 336 с.
8. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Ладомир, 1996. – 285 с.
9. Горгулов П. Коммуникационная теория безвластия. – М.: Гилея, 2005. – 142 с.
10. Орлов А.С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней. – М.: Проспект, 2000. – 368 с.
11. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: RENAISSANCE, 1991. – 276 с.
12. Полосин В. Миф. Религия. Государство. – М.: Ладомир, 1999. – 379 с.
13. Модели общественного переустройства России. XX век / Под ред. В.В. Шелохаева. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 267 с.
14. Мусихин Г.И. Власть перед вызовом современности. Сравнительный анализ российского и немецкого опыта конца XVII – начала XX веков. – СПб.: Алетейя, 2004. – 336 с.
15. Соколов В.И. История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX до XXI века. – Рязань: Узорочье, 2002. – 626 с.
16. Русское и советское молодежное движение в документах 1905–1937 гг. / Под ред. П.П. Александрова-Деркаченко. – М.: ОМП-Пресс, 2002. – 288 с.
17. Криворученко В.К., Родионов В.А., Татаринов О.В. Молодежное движение в России и Советском Союзе: уроки истории / Под ред. А.А. Данилова. – М.: Социум, 1997. – 191 с.

Поступила 18.10.2006 г.